

КРОКОДИЛ

№ 18 (1704) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-Й • 30 ИЮНЯ 1963

—Где же теперь ваше преимущество в космосе?

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КОСМИЧЕСКАЯ БЫЛЬ

Яков БЫЛАНИН

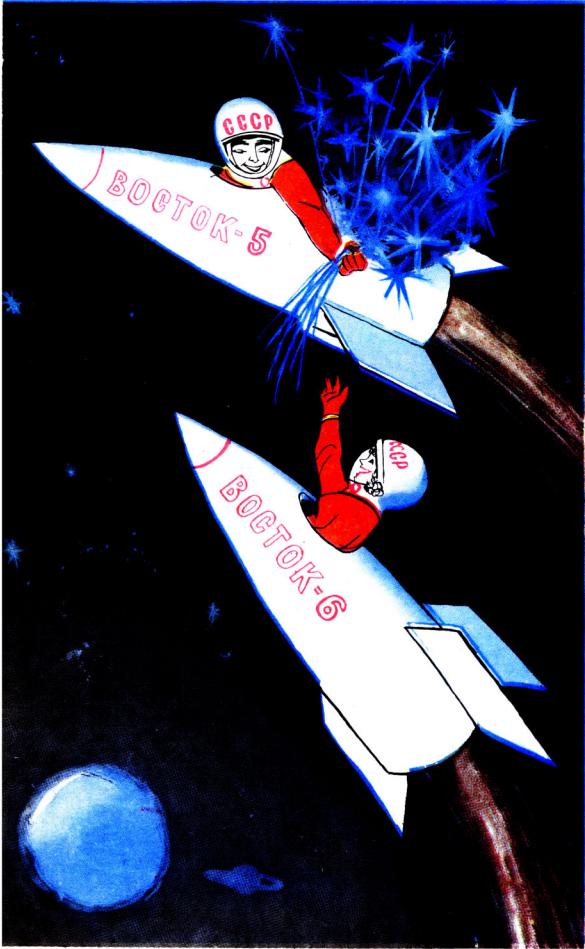
ПО-ДРУГОМУ ПЕСЕНКА ЗВУЧИТ...

Было время, парни поднимались
На машинах выше облаков...
А девчата дома оставались,
Дождаясь верных пареньков.

А теперь дела переменялись:
Пролетев кометою во мгле,
Нынче ввысь девчата устремились,
Оставляя милых на земле.

И тогда веселые пилоты
Напевали песенку о том,
Что, мол, первым делом—самолеты,
Ну, а девушки—
а девушки—
потом.

И уже в космическом полете
Напевают песенку о том,
Что, мол, первым делом—
звездолеты,
Ну, а парни,
разумеется,—
потом!..

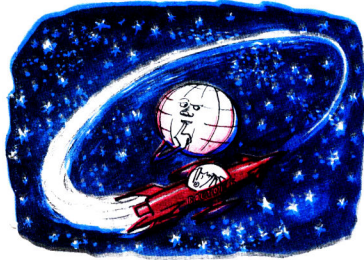

Современный стиль свидания
На просторах мироздания,
На орбите звездных трасс
Практикуется у нас...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Сфотографировались на память. Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Тс-с-с! Тише, космонавт спит!
Рисунок Б. САВКОВА

ТКАЧИХА НА ОРБИТЕ

Намотала клубок. Рисунок Е. МИГУНОВА

— Сюда неинтересно... Вот бы узнать, где школа космонавтов!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Что это старик прифрантился?
— Тетя в космосе!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— В магазин сходил, обед приготовил, пол вымыл, хватит, Наташа,— сегодня ведь не 8-е Марта!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЫ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Домушник, как правило, работает от себя. Без каких-либо полномочий и заверенных подписей и печатями рекомендаций. Домушнику не выписывают командировочных, но бронируют номера в гостиницах. Он сам по себе.

Иное дело — коммерческий посредник. И хотя разница между ними только в том, что один охотится за личной собственностью завалявшихся граждан, а другой — за собственностью государственной, коммерческому посреднику не в пример вольготнее.

Приходит, скажем, такой домушник... извините, коммерческий посредник в колхоз «Арсан», Алма-Атинской области, или колхоз «Гигант», Целинного края, или колхоз «Рубин» на Краснодарщине и говорит с порога:

- Здорово, председатель! Гвозди нужны?
- Нужны, дорогой, нужны! — высказывает из-за стола председатель.
- Фанера требуется?
- Требуется, золотой, требуется!
- Электропровод, горбыль, запчастки?..
- Все нужно, дорогой, все требуется, бесценнейший!
- Выписывай тогда командировку.
- Куда прикажете, простите, не знаю вашего имени-отчества? — застенчиво румянится, спрашивает председатель.
- Шрамченко. Николай Тарасович. Образование — два класса, ранее судим, проживаю в городе Талды-Курган, — дает необходимые анкетные сведения гость. — А дзину я, пожалуй, в город Томск. Там способнее.
- Самолетом или в мягком изволите?
- Самолетом!
- Люкс в гостинице прикажете забронировать? Очень хорошо! Наличными сколько желаете? Чудесно! Итак, счастливого вам пути, ждем васелей и влодей. А также фанеры, пиломатериалов и всего прочего.

Подмахнув в колхозе «Арсан» один договор, Николай Тарасович спешит предложить свое коммерческое посредничество соседнему колхозу, «Заря коммунизма». Потом Николай Тарасович подписывает договор с хозрасчетной столовой № 1. Потом с «Зорькаснабом». Потом со стройконторой.

Набив бумажники до отказа проездными и путевочными, Николай Тарасович влезает, отдуваясь, в «ТУ-104» и, удовлетворенно ощущая комплект отмычек с печатями, то бишь командировочных удостоверений, доверенностей и трудовых соглашений, отбывает в Томск.

Вслед за ним бороздят в воздушных лайнерах облака другие домушники. Алексей Павлович Пащенко, тоже, как и Николай

Тарасович, ранее судимый и также представляющий сегодня «коммерческие интересы» Алма-Атинской области. Борис Владимирович Жилин, судим, ныне посредник ряда организаций Самаркандской области. Владимир Андреевич Тикуннов. Михаил Константинович Варабашин. У каждого из них в кармане по 6—7 тысяч рублей колхозных денег на «представительство» и по набору все тех же отмычек с печатями. Тех узаконенных отмычек, которые нет надобности таить, как кустарно-домушнику, в руке видняка.

— Так-с, — говорит директор Томского лесоперевалочного и деревообделочного комбината Зубилин, беря со стола командировочное удостоверение Алексея Павловича Пащенко. — Посредничааете, значит? От совхоза «Калининский», Алма-Атинской области? Чем могу служить?

— Лесу бы мне. Кубометров пятьсот, — хрипло молвит Алексей Павлович и ухмыляется, стаскивая с ноги сапог.

— Лес, дорогой мой, — материал фондовый. Отпускаем только в плановом порядке, — поясняет директор ЛПДК, настроенно присматриваясь к сапогу приезжего.

Приезжий между тем, разернув портянку, вытравливает из нее на стол хозяина кабинета тысячу целковых.

— Будет сделано! — лучезарно улыбается директор, стряхивая целковые в ящик стола. — Пятьсот кубов ваши.

— Так и положено, — соглашается коммерческий представитель и едет в соседний город Асино.

Там, вытравив на стол директора Асинского ЛПДК Буцки новую отмычку — доверенность и очередную тысячу целковых, — Пащенко получает взамен письмо на начальнику управления лесоснабжения Томского совнархоза Ширяеву.

Еще одна доверенность, еще тысяча целковых, и Ширяев отдает распоряжение своему заместителю Артемьеву выписать наряд на тысячу кубометров леса.

Отмычка с печатями, подкрепленная портянкой с денежными знаками, действует безотказно.

— Нужны лесовозы? Пожалуйста! — Начальник центральной диспетчерской службы Томского областтреста Некрасов сует себе в карман очередную взятку.

— Ускорить погрузку? Да ради бога! — Начальник лесобазы № 2 Сизиков заворачивает в «подаренную» женскую кофточку взятые «взаимы» целковые из портянки.

— Железнодорожные вагоны? О чем разговор? — смахивает со стола новый куш директор Асинского ЛПДК Буцкий.

Плановые заказчики обрывают телефон-

ные провода, засыпают совнархоз и комбинаты потоком писем и телеграмм, молят, требуют, просят выслать запланированный лес...

Тщетно.

Не хватает пиломатериалов. Нет лесовозов. Не поддали вагонов.

Зато для коммерческих посредников, щедро разбрасывающих колхозные денюжки, всего хватает, все есть. Только по «нарядам» Пащенко был отправлен алма-атинским «клиентам» эшелон из двадцати четырех вагонов!

Любопытно, что некоторые посредники из-за природной шепетливости действуют более тонко. Они не прячут в руководящих кабинетах портянки, не суют в нос начки денежных купюр. Их стиль — услуги натурою.

Выслал, скажем, некий Шрамченко директору томской базы по сбору и реализации возвратной тары Рынкевичу и главбуху Данилову по бочонку соевых огурцов, маринованных помидоров да моченых яблочек. А они ему — пару плановых железнодорожных вагонов под лес. Одарил в другой раз вагоном и луком — они ему фиктивных счета на 30 тысяч рублей подмакнули.

Естественно, что все эти снабженные официально полномочиями коммерческие посредники рано или поздно, как и их коллеги — рядовые домушники, попадают за решетку. Но речь в данном случае не о них.

Речь о тех, кто продолжает как ни в чем не бывало снарядить в путь все новых и новых жуликов с авансами на взятки.

Разве не ясно было, например, директору совхоза «Джатынгский» тов. Алексееву, куда пойдут 7 тысяч рублей, выданных одновременно «посреднику» Тикуннову? Разве не ясно было, как использует «посредник» Пащенко выписанные на его имя документы и доверенности?

Алексеев отлично понимает, что пиломатериалы — товар фондовый и распределяется в плановом порядке, понимает и тем не менее с легким сердцем выписывает равноценно доверенности «на право заключения договоров о заготовке и поставке 1000 кубометров делового леса совхозу».

Разве не понятно заместителю директора совхоза «Рославльский» Гекле, что выданные им молотнику Варабашину документы и 5 тысяч рублей подотчетных будут использованы в качестве отмычки к государственным сейфам, включая и сейф совхоза?

Очень понятно. Не такой Гекле наивный человек, чтобы думать, будто барабашин и пащенко станут на эти деньги «заготавливать» деловой лес из старых ящиков и бочек.

Не пора ли наконец закрыть плагбаум? И для тех, кто орудует отмычками с печатями, и для тех, кто их таковыми снабжает!

Г. СОМОВ,
специальный корреспондент
«Крестьянка»

г. Томск.

Юрий БЛАГОВ

МОЖЕТ — ДА, А МОЖЕТ — НЕТ...

Все уклы нашей лиры
Навлекут тьму обид,
Так что труженик сатиры
Иногда бывает бит.
В этом радость небольшая,
И пишу я свой куплет,
Никого не обижая...
(Может — да, а может — нет.)

Стал у нас детально быта
Магазин без продавца
Все в нем просто и открыто,
Все в нем радуется сердца.
Выходи в любые двери,
Выноси любой предмет,
Никакого недоверья...
(Может — да, а может — нет.)

Выбрать мебель в магазине
Помогли мне продавцы,
Я скажу о них и ныне —
Это просто молодцы!
Пять ключей мне дали к шкапу,
Каждый вытерли предмет,
Ничего не взяв «на лапу»...
(Может — да, а может — нет.)

Издан был для ресторанов
Замечательный приказ:
Можно водки брать сто граммов —
И довольно... в самый раз...
И донныне в ресторанах,
Вот уже немало лет,
Никогда не встретишь пьяных...
(Может — да, а может — нет.)

— Что же вы не здороваетесь, ребята?
— Петр Иванович, так ведь каникулы...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

— Нехорошо опаздывать на службу, а еще комсомола!

Рисунок В. ГОРЬЕВА

Семицетов вырос за один день. Впрочем, так оно нередко бывает. Сидит человек в низах, на скромной должности, за скромным узким столом с одним телефоном — и вдруг его вызывают наверх...

Он идет наверх и вниз не возвращается. Он оставлен там, наверху. Ему предложены высокая должность, широкий стол — и на нем уже не один, а три телефона.

Нечто подобное произошло и с Семицетовым. Правда, его не так уж резко повысили. Но все-таки... Был заведующим клубом, стал начальником управления культуры.

Будучи вызван «наверх», он имел несколько бесед.

Сначала с товарищем Пяткиным, который сказал, что он проведет Семицетова к товарищу Коленкину. Потом с товарищем Ручкиным, который внимательно прочитал анкету, поговорил с Семицетовым о жизни, о погоде и в конце заключил:

— Так вот, мы вас выдвигаем.

Последняя встреча происходила в кабинете товарища Лобова.

Лобов анкеты не читал: ему было достаточно короткого доклада Ручкина. Говорить с Семицетовым ему было некогда: звонили телефоны.

После того, как Семицетов прослушал несколько телефонных разговоров, Лобов поднялся с кресла и пожал Семицетову руку. Это означало: все, вопрос решен.

Семицетов вышел из кабинета Лобова вместе с Ручкиным. Когда оба оказались в коридоре, Ручкин облегченно сказал:

— Ну вот, все в порядке. Работайте. И прежде всего — подберите крепкие кадры. У вас много вакансий.

Их оказалось действительно много: вместе с предшественником Семицетова из управления была уволена целая группа сотрудников. Как выяснилось, работники они были негодные. Для предшественника важны были не дипломы и характеристики, а телефонные звонки. Разумеется, не всякие, а только сверху.

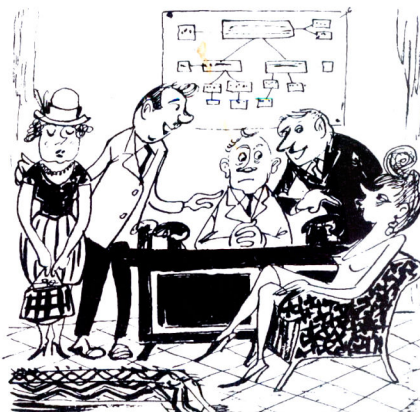
— Оформите инструктором Марью Ивановну. Хорошая женщина, жена Ивана Ивановича.

Но вот Ивана Ивановича сняли, имя его уже перестало быть священным, и пришел Николай Николаевич. По фамилии Лобов.

Борис ЕГОРОВ

ТУДА И ОБРАТНО

РАССКАЗ

— Спит наш отдел культуры, перешерстить его надо, — сказал Лобов.

И перешерстили. Начальником в результате стал Семицетов.

Первые дни он от зари до зари проводил в своем новом кабинете: курил, думал, как подобрать кадры.

Но очень долго думать ему не дали.

Позвонил Лобов:

— Возьмите к себе в управление товарища Ручкина. Хорошая женщина, жена товарища Ручкина. Занималась домашним

хозяйством, теперь хочет гореть на работе. К культуре тянется. Надо поддержать.

Потом позвонил Ручкин:

— Зачисли Коленкину. Энергичная девушка, дочка товарища Коленкина. Литературу любит и вообще...

А дальше и от Коленкина звонок был: — Пяткину прими, пожалуйста. Есть такое мнение. Найди местечко. Сноха его, понимаешь...

Куда было деваться Семицетову? И он зачислял, оформлял, находил местечки. Да иначе и не поступишь: Лобов поддерживал Ручкина, Ручкин — Коленкина, Коленкин — Пяткина. И все вместе — Семицетова. Но управление культуры должно было еще и работать. А работать оно не могло.

— Слушай, Семицетов, — звонил Лобов, — дай, пожалуйста, жене Ручкина отпуск на пару недель. Для ухода за мужем.

— Семицетов? Ручкин говорит. Освободи-ка на десяток дней Коленкину. Сам он в командировку едет. Хочет и ее прихватить.

А со снохой Пяткина положение создавалось еще более сложное: Пяткину надо было освобождать сразу на несколько месяцев, ибо — о, какой это был сюрприз для начальника управления культуры! — ей полгала декретный отпуск.

Семицетов тяжело вздыхал, подписывая указы: кто же работать будет? Но тут ему приходила успокоительная мысль: а больше ли пользы, если все его сотрудники не гуляют, а считаются действующими единицами? Толку все равно нет.

Ручкина действительно тянулось к культуре и посему часто отлучалась в косметический кабинет. Коленкина ежечасно демонстрировала свою любовь к литературе и не расставалась с журналами. Журналы были разные: «Годы и моды», «Манекены и ламбрекены».

А Пяткина заинтересовалась наукой. Не вообще, а медицинской.

— Где же у нас Пяткина сегодня? Время к обеду, а ее все нет.

— К врачу побежала. Тут светило какое-то новое объявилось. Ужасно любит она с ними советоваться.

— Ну и работнички! — сокрушенно вздыхал начальник.

А потом ему надоело вздыхать. Ему захотелось призвать работников к порядку, объяснить им, что люди они ответственные и трудятся не где-нибудь, а в управлении культуры.

Ближайшим поводом к такому разговору послужило письмо из колхоза.

«Уважаемый тов. Семицетов, — писал автор, молодой агроном. — Я послал Вашему управлению письмо, в котором делился некоторыми мыслями о пропаганде живописи. И зачем я только делился! Прочитав ответ, подписанный тов. Пяткиной, я понял, что писал не туда. Объясните тов. Пяткиной, что эпохи Росинанта не было. Была эпоха Ренессанса. А Росинант — это лошадь Дон-Кихота...»

Семицетов рассвирепел. Он вызвал Пяткину и долго объяснял ей, в чем отличие лошади от эпохи. Не преминул сказать нелицеприятные слова и о трудовой дисциплине.

Эта беседа несколько омрачила настроение других сотрудников отдела. А потом и настроение Семицетова.

Начальника управления культуры пригласил к себе сам товарищ Лобов.

— Плохо действует ваше управление, — сказал Лобов. — Не развернулись, понимаешь. Спите, как говорится.

— Да я... да мы... — пытался оправдаться Семицетов, но Лобов его не слушал.

— Вы даже с коллективом не работаете. Народ недоволен вами. Не умеете вы работать с народом...

...Семицетов вырос за один день: был заведующим клубом, стал начальником управления культуры. Снизу пошел «наверх».

После беседы с товарищем Лобовым он совершил обратный путь: сверху — вниз. Хорошо, что место заведующего клубом оставалось еще не занятым.

СЕМЕЙНАЯ ЭСТАФЕТА

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

А ЗАРПЛАТА ИДЕТ...

Конференция явно затянулась. Участники, ненароком попавшие на передние места, с завистью оглядывались: сидящие в задних рядах могли хоть выскочить на крылечко совхозного клуба глотнуть свежего воздуха.

Сообщение председателя о том, что заключительное слово по первому вопросу имеет директор Михаил Григорьевич Скоропупов, вызвало сдержанный вздох облегчения. Все-таки хоть один вопрос позади.

Голос Михаила Григорьевича переливался раскатами весеннего грома:

— Как мы работали прошлый год, товарищи? Вопрос. Ответ: плохо. А почему? Вопрос. Ответ: не бережем рабочее время. День, он год кормит. Рабочее время мы должны использовать как? Вопрос. Ответ: все отдать производству до минуты!..

Тем временем за кулисами председатель собрания В. Г. Довженко, вызванный туда настойчивым шепотом, отбивался от наседавших на него участников конференции.

— Василий Гаврилович, голубчик, отпусти душу на покаяние! Седьмой час здесь сидим, а ведь телят поить надо!..

— Всех поить надо.
— Товарищ Довженко, у нас на ферме опорос идет...

— У всех опорос идет...
Более настойчивые — бригадир свинофермы Савельева и ее сотоварка Сметанина — оттеснили председателя за театральный задник, и Василий Гаврилович сдался:

— Я тебе сейчас, Сметанина, слово дам вне очереди. Ты давай, нацеливай собрание, как беречь рабочее время. Отговоришь свое — и отбывай на ферму.

Между тем в зале постепенно нарастала тревога за оставленных без присмотра на фермах буренок и хрюшек. Стараясь скрыться от всевидящих очей президиума, полусогнутые фигуры потянулись к выходу.

Когда наконец поздно вечером профсоюзная конференция по итогам не слишком успешной прошлой годней работы была благополучно закончена, разомлевшие от речей руководители задержались на сцене.
— Пожалуй, прошло на уровне,—

внушительно заметила председатель рабочкома М. Г. Голубкова.— Одно нехорошо: нет у некоторых уважения не только к профсоюзной дисциплине, но и к вам, Михаил Григорьевич.

— Это почему же? — насторожился Скоропупов.

— Очень просто. Вы, можно сказать, директор, и то самолично присидели здесь почти с утра, целый день, а какие-то доярки-свинарки поторопились уйти. Не то что меня, и вас не побоялись.

— Думаешь, так? — надулся директор.— Ну, ладно. Профсоюзу надо помогать массы воспитывать. Я утром приказ набросаю, а где будут точки, там ты фамилии вставишь. Ясно?

На следующий день во все отделения совхоза был срочно разослан суровый документ:

«Приказ по совхозу «Талдом» Дмитровского производственного управления № 308, гор. Талдом. 29 марта 1963 г.

Приказом дана установка всем прибывшим оплачивать зарплату. Рабочим и служащим, работающим сдельно по среднему заработку, состоящим на окладе дневную ставку по тарифу. Совецание или конференция в связи с этим является рабочим днем, поэтому уход с конференции считается уходом с работы. За время работы конференции управляющие отделениями тт. Лысенко В. П. и Зубков А. Н. ушли с конференции, также ушли с конференции тт. Савельева, Соболева, Сметанина, Кустова.

Приказываю рабочим и служащим тт. Лысенко, Зубкову, Савельевой, Соболевой, Сметаниной, Кустовой, Кудряшеву, Блинову за 28 марта 1963 года не выплачивать.

Директор совхоза М. Скоропупов».

В беседе со мной Михаил Григорьевич с подкупающей откровенностью заявил:

— Подписывал такой приказ, помню... Все правильно. Раз деньги за сидение на собрании платим,— значит, сиди, сколько положено.

К. ОБОЛЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Талдом.

Амирхан ШОМАХОВ

Папаха

Мама и Хажимусá
Ждут у двери два часа.
Там за дверью у стола
Дяденька вершит дела.
Вот заходят в кабинет:
— Добрый день!
А им в ответ:
— Что вам надо? —
Важный дядя
Пробурчал, на них не глядя.
Он на всех людей сердит:
Все стоят, а он сидит.

...Шумной улицей прямой
Мать и сын идут домой.
Говорит он:
— Не пойму,

Что ты сделала ему:
Про здоровье не спросил,
Сесть на стул не пригласил,
«Ты» сказал он вместо «вы»
И не поднял головы!!

И сказала мать в ответ:
— Головы у дяди нет.

Даже вскрикнул сын от страха:
— А на чем была папаха?!
— Ни на чем! — сказала мать...

...Как нам это понимать?

Перевели с кабардинского
Ю. ДАНИЕЛЬ и Ю. ХАЗАНОВ.

— И сколько стоила тебе эта дачка?
— Не знаю, я без счетчика работаю.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Христос в Алабаме

«В воскресенье негры предприняли попытку уже не первую, присутствовать на богослужении в церквях для белых. Но segregation в христианских церквях Бирмингема соблюдался почти столь же сурово, как и в общественных уборных: негры лусили только в четыре из семнадцати церквей города».

Американский журнал «Тайм».

«Все же от бога...»

(2-е послание апостола Павла к римлянам, глава 5, стих 18).

Господа христиане нашей планеты!

Имя Христа при вас назови —
И сразу услышишь, что имя это —
Символ свободы, добра и любви,
Что людям Земли простирают объятия
Церкви христовой отцы и сыны,
Что все христиане — друг другу братья
И перед господом все равны...

Ну что же!
Проверим, какие деянья
Елейная речь на Земле родила.
Давайте посмотрим сейчас, христиане,
Как ваши слова претворились в дела.
Чтоб все увидели своими глазами
Все то, что нельзя опровергнуть ничем,
Побудем в Юнайтед Стейтс,
в Алабаме,
На улицах города Бирмингем.

Глядите!
Пред нами развернутый свиток
Божественных дел христианской любви:
Вы видите трупа, орудия пыток,
Сожженный квартал, мостовые в крошечку...
Легко убедиться, что ангельский жарок
Молитвенный пыл крестоносных воjak.
Вот здесь на людей натравляли овчарок,
ЛЮБОВЬ насаждая клинками собак,
Вон так избивали с усердием не меньшим,
Давили, тиранили, гнали, как скот,
Младенцев и школьников, старцев и женщин,
Понятие БРАТСТВА внедряя в народ.
Здесь ребра сломали и скулы свернули
Христианом собратьям, что койки черны.
Им всем разъяснили брандспойты и пули,
Насколько пред господом все равны.
Прелестное РАВЕНСТВО выдали черным!
Им доступ закрыл христианнейший босс
И к школам для белых и к общим уборным,
Приравненным этим запретом позорным

К церквам, где считается богом Христос.
Страну на Земле полноправной, свободной,
Чем Стейтс оф Америка, ну-на найди,
Коль в ней, опираясь на имя господие,
Сумели наладить режим преисподней
Жестоким звери с крестом на груди.
Ну что им страдания, и горе, и слезы
Собрата по церкви и вере одной!
Не терпят они ни малейшей угрозы
А деньги, их спеси, их власти земной.
И миру дружба,

обитателям хижин,
Всем тем, кто у рабства сидит на цепи,
Кто беден, кто черен, бесправен, унижен,
Крмчат они слово Христово:

— ТЕРПИ!
За рабскую долю земную твою
Ты «прибыль» получишь на небе, в раю...

На ад Бирмингема, клокочущий ядом,
Глядят, как слепые, владыки страны.
Поставить преграду подобному аду
Им некогда.

Им — христианам — нужны
Полки самолетов, подводки, ракеты,
Орудия Гибели, Смерти и Зла,
Чтоб атомный смерч населенные планеты

Во славу их господа выжмет дотла.
Сердца христиан в Вашингтоне, в Нью-Йорке
Ничуть не тревожит расистский разбой.
Они лишь тогда беспокоены и зорки,
Когда пролетарий выходит на бой,
Коль белый и черный, рабочий и фермер
Встают на защиту поруганных прав.
Такой не дозволенной господом даны
Не может стерпеть Уолл-стритский Удав...

Что ж!
Есть и такие в стране христиане,
Что искренне верят в ученье Христа.
Но это ученые жестокими молчаньем
Сковало таким правдолюбцам уста.
Ведь сделано господом

все, что ты видишь,
А видишь сейчас Бирмингем пред собой...
Скажешь: «Вот мерзость!» — ты бога обидишь,
Промолви: «Терпите!» — одобрить разбой...

О люди! Взгляните пристрастно и строго,
Каков на поверку прославленный бог.
Ведь если резня в Бирмингеме от бога,

Любому понятно, что бог жесток.
Коль был бы он добрым, он мог —
всемогущий —

Не только сорвать бирмингемский грех,
Но сделать всю жизнь беспечальной, цветущей,
Свободной, и сытной, и доброй для всех.
А он опекает властителей денег,
Погрязших в роскошестве, гнусности, эле.
А бедным он выдает окопы смиренья,

Им долю рабов утвердил на земле,
Все в мире от бога! Тогда непременно,
Что это всеблагодатным богом даны
Все прелести голода, жизни остройной,
Насилья и Лжи, Нищеты и Войны.
Всю правду о боге

открыто и прямо,
Жестко и зримо поведала всем
Вся жизнь, а не только одна Алабама,
Вся жизнь, а не только один Бирмингем.

...Есть богу любому лишь в том оправданье,
Что в мире и не было бога и нет.

«Наш бог существует!» — твердят христиане.
Тогда перед миром пусть держат ответ
За все Алабамы шара земного,
За все злодеяния Гнета и Тьмы,
За службу владикам мешка золотого,
За проповедь бедным смиренья слепого,

За ханжество пышного, лживого слова,
Что душит людские сердца и умы!

...Вот мы атестим.

Мы в бога не верим,
Не верим в Аллаха, Егову, Христа,
Мы верим в людей.

Мы сильны их доверьем,
И советую нас перед ними чиста,
Нам труженик дорог. Мы трудимся сами.
И люди труда — наши братья навеки,
Все сделано в мире людскими руками!
Все движет умом и трудом человек!

Все в мире творится не богом, не чудом,
А им — человеком, идущим вперед,
Хоть путь у него и огромен и труден,
Под знаменем,

Лениным аверенным людям,
Лишь угнетателей силы и власти,
Изгнав тиродаев, погрозивих во эле,
Создаст он Свободу, и Братство, и Счастье
всего человечества.
Здесь! На Земле!

И в мире, где станут народы друзьями,

Того не увидено будет никем,
Что было в Юнайтед Стейтс,

в Алабаме,

На улицах города Бирмингем.

Этот снимок обошел всю мировую печать. Известно претвория и жизнь священный принцип «Возлюбил ближнего своего», алламанские полицейские буквально душат в объятиях своего чернокожего брата по Христе

РОКФЕЛЛЕР СКУПАЕТ РЕЧИ

Нью-Йорк. Нельсон Рокфеллер мечтает о президентском кресле. Готовясь к избирательной кампании, он уже нанял десятки писателей, сочиняющих для него пламенные речи, душещипательные воззвания и остроумные «экстримты», которыми он намеревается блеснуть на встречах с наблюдателями. Некоторые консультанты Рокфеллера советовали ему приобрести у Никсона речи и реплики, использованные во время предыдущей кампании. Надо думать, что Никсон уступил бы этот утиль за бесценок.

ТОЧНЫЙ ВЫВОД

Париж. Французский священник Кольер решил изучить характерные особенности современных танцев. С этой целью он обошел ряд баров и ресторанов, понаблюдая, как танцуют твист и рок-н-ролл, и пришел к следующему заключению: «Зады разлазелятся, а лицам скучно».

ЛЮДОЕДЫ ПОПЕРХНУТСЯ

Лондон. Лорд Шеклтон, выступая в палате лордов по вопросу о наличии ядовитых веществ в продуктах питания, заявил, что особенно опасны в этом отношении американские продукты. «Я подозреваю», — сказал лорд, — что американцы уже несъедобны для людоедов».

РАД БЫ, НО...

Нью-Йорк. Мистер Хейфнер, владелец многочисленных заведений с «исключительно дамским, обслуживающим персоналом», предстал перед судом по обвинению в даче щедрых взяток нью-Йоркским муниципальным чиновникам. «Право, я не виноват», — заявил Хейфнер. — Когда я хотел отыскать хотя бы одного честного чиновника, я просто не знал, к кому обратиться».

ЯДЕРНЫЕ СКАЗКИ

Лондон. Английский журнал «Тудей» возвестил, что стронций-90, остающийся в атмосфере после ядерных взрывов, чудесным образом подействовал на одного семилетнего мальчика: малыш за одну ночь фантастически поумнел и стал понимать вещи, недоступные даже ему взрослому. Таким образом, «Тудей» подкашивает читателю вывод, что ядерные испытания — путь к массовому производству гениев. Однако, судя по этой заметке, страх перед запрещением ядерного оружия вызывает у некоторых западных журналистов обратную реакцию — полное умопомрачение.

ВКЛЮЧАЯ ТРУПЫ...

Иоганнесбург (ЮАР). Министерство здравоохранения Южно-Африканской республики издало приказ, по которому студентам-неграм в категорической форме запрещено изучать анатомию на трупах белых людей. Больше того, согласно этому приказу, поступающие в анатомический театр трупы белых и черных должны содержаться и препарироваться строго раздельно, а черным студентам-медикам вообще категорически запрещено переступать порог morga для белых. Со дня на день здесь ожидают постановления о раздельном содержании на том свете душ усопших.

— Садитесь, я вас ненадолго задержу...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Бухгалтер Вера Семеновна появилась как-то под руку с бравым молодцем. Молодец был гренадерского роста, с ослепительной улыбкой и добрыми, мягкими глазами. На голове у него красовалась овеянная морскими ветрами капитанская фуражка с крабом.

— Вот встретила хорошего человека, — потупившись, сообщила Вера Семеновна знакомым. — Замуж выхожу... Владимир Иванович, между прочим, знаменитый китобой!

— Фамилия-то у него какая? — поинтересовались знакомые. — Может, и читали в газетах.

— Гм... — замаялась Вера Семеновна. — Действительно, Владимир, какая у вас фамилия?

— Знаменитый китобой застенчиво улыбнулся.

— Разве в фамилии дело? Зовите меня просто Вовой.

На вечерних randevу жених рассказывал о штормах, коралловых рифах и, естественно, о китах.

— Ус у них большой. Китовый. И ростом разные. Помнится, близ Кейптауна загарпунил я двоих...

Вскоре китобой окончательно переселился к Вере Семеновне. Со всем своим скарбом: домашними туфлями, зубной щеткой и старинной шлагой с надписью «Толедо».

— О, эта шлага! — воскликнул он, поцеловав эфес. — Ее подарил мне индийский принц. Несчастный погиб среди акул в Индийском океане, а я тут как тут...

Жених с сожалением посмотрел на свой потрепанный костюм и до- бавил:

А. ХОДАНОВ

НА УДОЧКУ С КРАБОМ

— Перевод я получить должен. Десять тысяч. И все не шлют. Бюрократы. Вчера пробовал душисть кассира — не помогло. Костюм купить надо. Грешно носить шлагу при таком костюме.

Вера Семеновна понимающе кивнула. И выложила деньги на бочку.

Получив триста рублей, китобой вышел на улицу, где и повстречал заведующую химчисткой Аглаю Никифоровну.

— Розы, — сказал он, приподняв капитанскую фуражку с крабом. — Такая женщина, как вы, любит розы, Нептун меня побери! Подождите на углу.

Потом китобой куда-то исчез, но вскоре появился вновь с огромным букетом роз.

— Я человек прямой, — начал китобой. — Сказал — загарпунил. Свяжемся морским узлом, а?

— А я женщина честная, — обиделась Аглая Никифоровна. — Я только через загс свяжусь.

— Ну загс так загс, — вздохнул китобой. — Пошли.

Вера Семеновна была забыта. В утешение ей остались домашние туфли, зубная щетка и старинная шлага с надписью «Толедо».

Через пару дней Владимир повел свою новую супругу на Ленинский проспект.

— Видишь этот дреднуот? — показал он на только что отстроенный дом. — А теперь посмотри на шесть иллюминаторов, что на третьем этаже. Это наша каюта. А сейчас дай мне немножко денег — мастику купить, пол натереть. Десять тысяч завтра получу: сегодня недосуг.

Китобой вернулся домой поздно вечером. Вошел в комнату, едва вложив ноги.

— Литр вып... вылил на паркет этой мастики — и все м-мало... — пробормотал он и свалился на пол от усталости.

Утром Владимир озабоченно сказал:

— Уезжаю в Ригу. Зачем? Военно-морская тайна. Спецзадание, связанное с китами. Дай пока восемьсот рублей. Вернусь — получим наши десять тысяч.

Вместо Риги капитан прибыл на станцию Болшево, Московской области. Разыскал нужный дом, радостно ворвался в квартиру и, стиснув мочими руками двух стариков, просто сказал:

— А вот и я.

— То есть к-как я? — ахнули старики.

— Да я же это, я! Я ваш сын Вовик.

— К-какой... Вовик?! — изумились старики.

Тогда китобой выложил на стол свой паспорт и показал штамп регистрации брака.

— А разве не может быть сыном муж вашей любимой племянницы Аглаи Никифоровны? Я ведь прошу немного — только пятьсот рублей. Сами понимаете: мебель, такси, медовый месяц...

Старики торопливо выложили из заветного места пятьсот рублей, и капитан благополучно отбыл в неизвестном направлении.

Больше знаменитого китобоя никто не видел.

Вера Семеновна и Аглая Никифоровна долго плакали. Выплакавшись, они писали письма во все китобойные флотилии. Безуспешно. Капитан как в воду канул.

Сведения о рейсах этого морского волка, впрочем, начали потихоньку просачиваться в милицию. Листик за листком росло дело некоего Владимира Костюкова. Биография морского волка оказалась отнюдь не морской, но волчьей.

В сорок первом он поступил в балет. Потом стал бродяжничать. Время от времени поворачивал и коротал дни в специальных местах. А в пятьдесят шестом купил капитанскую фуражку с крабом и ушел на жениховские промыслы.

Он весь как на ладони, этот универсальный альфонс. И просто диву даешься, как на удочку с тухлым крабом на крючке могли клюнуть отдельные легковерные граждане.

Это рассказ не обо мне, а то было бы очень неудобно. Я женат, у меня есть дети. Это рассказ о ком-то другом, у которого тоже есть жена и дети, но он не я, а другой. И все, что здесь рассказано, рассказал он.

* * *

...И вот я встречаю ее однажды.

Черный строгий костюм плотно облегает ее чуть поплневшую фигуру, такие нравились моему деду, и такие с ума сводили моего отца,— и перед такой женщиной дух захватывает у внука моего деда, сына моего отца.

А под костюмом красный джемпер. Страшная штука эти джемперы. В обтяжку да еще и красные. Категорически следовало бы запретить носить подобные вещи.

— О, это ты!
— О, ты!

Порою случается, побудут люди где-то вместе, а потом один ушел в одну сторону, другой — в другую. Четыре стороны у света, и восемь, и шестнадцать... И в каждой стороне семьдесят семь тысяч городов и сел... И я говорю:

— Давно мы не виделись.
— Давно,— говорит она.
— Очень давно.
— Очень.

И замолчали.
Я только смотрю: черный шерстяной костюм плотно облегает чуть поплневшую фигуру, такие нравились еще моему деду, и такие с ума сводили моего отца...

Я только смотрю: джемпер под костюмом. Да еще и красный...

И в глаза смотрю — прямо в зрачки, ибо я честный человек и могу любому смотреть в глаза прямо.

Я смотрю в ее глаза — большие, черные, лукавые, о таких глазах песни слагал мой прадед-гусяр, ради таких глаз дед мой убил человека, с ума сходил по таким глазам мой отец; черные, большие глаза, они и у правнука моего прадеда, внука моего деда, сына моего отца вызывают такое возмущенное чувство, что в эти глаза я мог бы, не отрываясь, смотреть часами.

— Мне действительно приятно, что мы увиделись, — говорит она.

— И мне очень.
— А никогда не встречаемся...
— Никогда.

Никогда... Должно быть, за этим словом скрывалась пустота, никаких стремлений, никаких страстных желаний, ибо будь у внука моего деда, сына моего отца страстные желания, они сами должны были бы заставить его искать встречи, добиваться свидания. О внуке моего деда, сыне моего отца, и ты, внучка своей бабки, дочка своей матери, зачем вы обкрадываете себя, проводя божьи дни в пустоте?

— Оно и понятно, я никуда не хожу. Со службы — домой, из дома — на службу. Вечерами обычно сижу дома. Одна, читаю. Отдых — это полезно.

В пространство, освещенное уличным фонарем, влетела бабочка. Машет крыльшками, кружится возле яркого света, бьется о стекло, хочет его разбить.

— Пополнела я, правда?

— Да. Чудесно выглядишь. Смотрю на нее: джемперы следует запретить, да и чулки-паутинки тоже следует запретить! У ее бабки не было чулок-паутинок из паутины, и мать ее не носила таких чулок... Так зачем же чулки из паутины — нейлон проклятый! — носить внучке ее бабки, дочке ее матери? Не было этого во времена моего деда, и не заставляло это спотыкаться моего отца, так зачем же терять рассудок, глядя на это внуку моего деда, сыну моего отца?

— Да, ведь ты знаешь, где я живу... — говорит она.

— Откуда же мне знать?

— А, да, не знаешь. Конечно, ни разу не был у меня в гостях. А я здесь живу. Вон там, на третьем этаже. От балкона второе окно влево... Если светится, значит, я дома.

— Спасибо.
— Так ничего и не скажешь, кроме «спасибо»?

Мой дед любил принимать гостей, и мой отец любил принимать гостей, и внук моего деда, сын моего отца, любит принимать гостей.

Мой дед любил ходить в гости. И мой отец любил ходить в гости. И внук моего деда, сын моего отца, тоже любит ходить в гости.

Ибо мы народ гостеприимный. Приходи ты ко мне, и я к тебе приду, друг мой любезный. Приготовлю тебе баранины жареной и вина красного налью тебе, а потом ты мне приготовишь баранины жареной и вина красного нальешь мне.

Маленький белый гостеприимный пальчик грозит. О, должен я, должен ходить в гости,

ибо в гости любил ходить мой дед, в гости любил ходить мой отец...

Обожгло мне руку прощальное рукопожатие.

Странная встреча. И если поглубже поразмыслить,— даже неприятная. Такая встреча может все в жизни запутать. Потом я уже твердо решил: не зайду туда. Ведь я женат, у меня дети есть, я муж и отец, конечно, вы же об этом уже слышали...

А когда опускается вечер, на уме у меня только одно, только одно: нет, не пойду я туда! И тверд я в своем решении, никто меня не переубедит.

Единственное желание — хочу увидеть, светится ли окно.

Не пойду я туда. Но светится ли, это ведь я, пожалуй, имею право увидеть?

Посмотрю наверх: светится! «Держись, не поддавайся!» — звенит в ушах ветер. Пересказывает мне заветы моих дедов, а они были верны своему слову, были, но закрылись их глаза, и ничего уж больше не видят.

Я быстро опускаю веки. А оно светится... и сквозь закрытые веки.

* * *

Это рассказ не обо мне, а то было бы очень неудобно. Я женат, у меня есть дети. Это рассказ о ком-то другом, у которого тоже есть жена и дети, но он не я, а другой. И все, что здесь рассказано, рассказал он, именно он, а не я. Ибо я о таких вещах не рассказываю.

Я еще с ума не сошел.

Перевод с сербско-хорватского
В. КАРЦЕВА.

Фруктовый вредитель.

— Не могли бы вы немножко придвинуть ко мне стол?

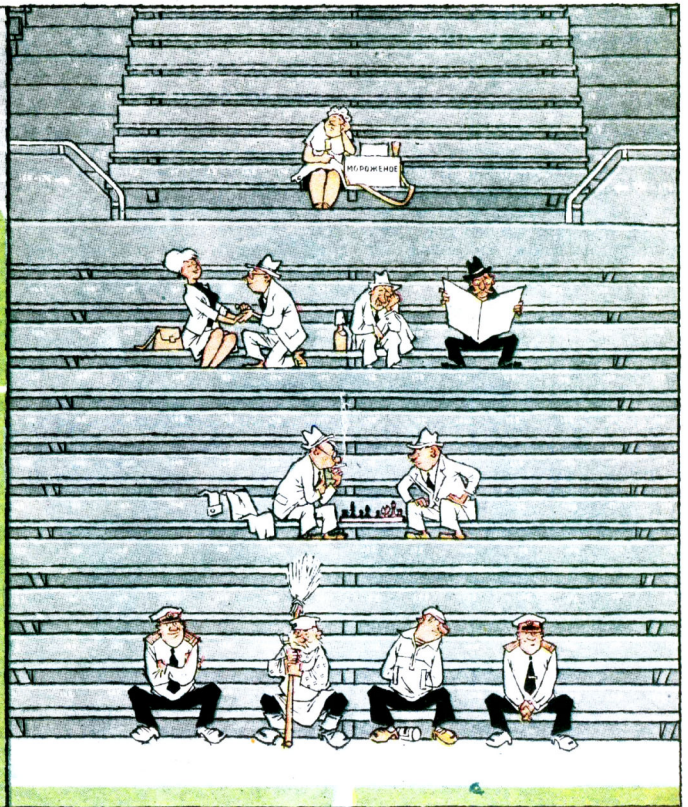
Автогонщик: — Может быть, мне сесть за руль, чтобы мы быстрее доехали?

И вот прошли годы...

Играют по системе 1—4—2—4...

И смотрят по такой же системе...

Рисунок Е. МИГУНОВА

Леонид ВОЛКОВ

ЧУТКИЙ, ОТЗЫВЧИВЫЙ ТОВАРИЩ

На экране телевизора развертывалось захватывающее действие. Работники уголовного розыска выследили логово матерого жулика Степана Слизняка по кличке Кукиш. Ничего не подозревающий Кукиш у себя на даче в Малаховке легкомысленно пил из горлышка «Столичную» и закусьивал шестирублевой колбасой.

И вот как раз в тот момент, когда милицейская «Победа» подъезжала с выключенными фарами к даче, в телевизоре что-то щелкнуло, и экран погас. Напрасно я крутил регуляторы и колотил по телевизору кулаком — изображение не появилось. Пришлось вытаскивать телевизор из ящика и искать поломку. Выяснилось, что перегорела лампа.

«Скверное дело, — подумал я. — Пока найдешь лампу в магазине, недели две пройдет. Придется на работе поискать».

На другой день, не заходя в свою лабораторию, я напрямик помчался на склад.

— Здравствуй, Вася, — приветливо встретил меня кладовщик, — как дела, как жизнь?

— Да какие там дела, просто дрянь, а не дела. Я к тебе, Федор Семеныч, с просьбой. Не дашь ли мне лампу?

— Смотря какую.

Когда я назвал марку лампы, Федор Семенович даже руками замахал.

— Каждый из вас приходит, и каждому вынь да положь эту лампу. А где я для вас напасусь? Вон сколько у нас лабораторий. На базе третьего дня, можно сказать, с мясом вырвал ящик, а сейчас всего несколько штук осталось. Поаккуратней надо работать, дорогой.

— Если бы мне для работы, — тоскливо протянул я, ерзая на табуретке, — а то, понимаешь, сижу вчера, смотрю фильм по телевизору, а на самом интересном месте, — бац, лампа перегорела. Так и не знаю, чем фильм кончился, взяли того жулика или нет. Такая досада!

— Значит, тебе для телевизора? — заулыбался кладовщик. — Что ж ты сразу не сказал? Что я, не человек, что ли? Раз нужно помочь, помогу. А Степку Кукиша они ловко взяли. Он, конечно, за пистолет, но его тут же скрутили. Попадают у нас еще жулики! — вздохнул Федор Семенович, подавая мне лампу. — И откуда только берутся?

Я взял лампу, поблагодарил кладовщика и вышел.

Хороший человек Федор Семенович! Чуткий, отзывчивый...

Между прочим

Директор обувной фабрики гордился:

— У нас все на широкую ногу!

— С натяжкой могу поставить вам «удовлетворительно».

— Отлично!

А. ЧЕРНОВ

Директор столовой оказался тверже шницеля. Посетители его ели поедом, но уходили голодными.

Светильнику разума абазур не нужен.

Завуалированная модница.

Выпускник театрального училища сошел со сцены, так и не поднявшись на нее.

Баснописец писал между строк, но читать там было нечего.

Н. МОНАХОВ

ИСПОВЕДЬ СИНЬОРА ПОМИДОРА

Захотелось мне отведасть свежего помидора. Тем более что овощной сезон в самом разгаре. Искал долго. Наконец в одном магазине увидел на прилавке то, что мне требовалось. Но, бог мой, что это были за помидоры: вялые, сморщенные, помятые! Лишь в одном из них, несмотря на тяжкие увечья, угадывалась прежняя дородность, удалая стать.

Купил я богатыря-калеку и принес домой. И уж только было занес над ним нож, как вдруг явственно услышал грустный вздох. Не померещилось ли? Нет, вздох повторился. Я отложил вилку и нож и уставился на странную попку. Хотите верьте, хотите нет, но вот что произошло дальше.

— Не удивляйтесь,— пропихнул Помидор.— Это в самом деле я разговариваю. А зовут меня синьор Помидор. Помните сказку Джанни Родари? Только тот синьор был итальянец, а я отечественного происхождения.. Ой, в правом боку больно!

— Кто же так измывался над тобой? — спросил я страдальца.— По футбольному полю тебя гоняли, что ли?

— Эх, лучше и не вспоминать! А впрочем, все равно моя песенка спета. Так уж узнайте напоследок печальную мою историю. Может, другим овощам и фруктам эта исповедь облегчение принесет.

Родился и рос я на привольных кубанских землях, под благодатным южным солнцем. Но вот пришла пора зрелости. И тут появился в нашем колхозе представитель заготовительной конторы. Стали нас всех без разбора хватать и, словно кирпичи, швырять на подводы. Швырнули и меня. Едва я отдышался после стремительного перелета и тяжкого удара, как лихие кони помчали нас вскачь по ухабистым степным дорогам. От бешеной гонки большинство моих родичей на глазах превращалось в томат-пасту. Сам я выжил лишь по счастливой случайности: сверху лежал. Однако и мне намаяли бока.

Наконец доставили нас на пристанционный заготовительный пункт. Здесь — очередная экзекуция: из подвод нас бесцеремонно перекидали лопатами на усыпанные щепой и щебен приемные площадки. Многие мои собратья шлепнулись прямо на камни, и осталось от них лишь мокрое место. Но меня судьба и на этот раз пощадила: отделался двумя-тремя синяками и ссадинами...

Я с глубоким сочувствием смотрел на мужественного синьора. Между тем он продолжал:

— Это еще не все. Перед отправкой в Москву нас утрамбовали в какие-то древние, заскорузлые, глухие ящики, оставив без света и воздуха. А ведь слышал я краем уха, будто уже давно издан какой-то приказ, чтобы нашего брата перевозили с комфортом, по принципу: каждому овощу — свое место. Помидоры — в открытых ящиках-лотках, огурцы — в рогожных кулях, картофель — в мешках... Тогда в салат не попадет вялая, сморщенная закорючка вместо хрустящего огурчика, а наш брат, пухлый и сочный помидор, не станет походить на дистрофика.

Упоминание о «каком-то приказе» совсем вывело меня из равновесия. Я тут же позвонил старшему экономисту Центросоюза, ведающему тарой, Фаросу Вагаршаковичу Хоециану.

— Все косточковые плоды и помидоры доставляются в Москву только в открытых ящи-

ках-лотках,— радостно отрапортовал старший экономист.

— Что на это скажешь? — строго спросил я синьора Помидора.

— Не спешите с выводами,— ворчливо заметил мой странный собеседник.— Позвоните для верности еще куда-нибудь.

Трибуна заготовителя.

Рисунок М. СОКОЛОВА

Я решил связаться с Мосгорплодоовощем. Ответил мне Б. С. Силантьев, контролирующий качество овощей и фруктов. К сожалению, он подтвердил то, что я узнал от синьора Помидора.

Нередко виноград, персики, помидоры и другие нежные плоды все еще доставляют в такой таре и в таком состоянии, что уму непостижимо: в закрытых, глухих ящиках, навалом.

— Сами понимаете, какие это отличные условия для приготовления фруктового silosa,— заметил тов. Силантьев.— Как-то мы получили заколоченные яичные ящики с надписью «Крымская груша «бергамот». Бедную грушу просто-напросто живьем заколотили в гроб. И даже подстилки не положили!

— Кто же прав? — иронически спросил синьор Помидор.— Позвольте уж в таком случае досказать мою историю. Железнодорожный вожж нам тоже вышел боком. Вагон, в котором мы ехали, до того загоняли по стан-

ционным путем, тупикам, сортировочным горкам, что голова пошла кругом. Многие от сотрясения получили непоправимые увечья. Когда же наконец прибыли в Москву, то почти третья часть помидоров оказалась тяжело травмированной. Ввиду безнадежного состояния их тут же отправили на свалку. Говорят, туда возят загубленные овощи и фрукты вагонами. И не только нашего брата-помидора, но и картошку, яблоки, груши, персики, виноград, арбузы. В общем, богатый натюрморт получается!

Это было уже слишком. Я опять схватился за телефонную трубку. Разговор с Иваном Андреевичем Поляковым — начальником управления Мосгорплодоовощ — кое-что прояснил. И, черт возьми, мой помидор в самом деле оказался весьма сведущим!

Еще пять лет назад заготовительным организациям было запрещено отгружать в Москву, Ленинград и другие города страны «нестандартные» овощи, картофель, фрукты. Но, оканчивается, иным хозяйственникам и самые авторитетные указания не указ. И по сей день они без зазрения совести гонят в города все, что попадает под руку. Лишь бы в сводке была солидная цифра.

В прошлом году, например, Москва получила 155 тысяч тонн «нестандартной» продукции. Из этого количества отправлено на корм скоту и вывезено на свалку около 24 тысяч тонн одного только картофеля, более 38 тысяч тонн овощей и фруктов.

Кое-кто от этого, правда, только выиграл. Подмосковные хрюшки, например. Эти лакомки вели роскошную жизнь. Чуть ли не ежедневно получали на десерт фрукты. Сейчас эти милые создания балуются молодой капусткой. Ленкоранские заготовители о них побеспокоились. Недавно прислали в столицу вагон капусты «бычьего сердца». Скорее ее можно было назвать «бычий корм», так как съедобных кочанов с грехом пополам набралось что-то около десятой доли.

Заготовителям активно помогают железнодорожники. Они частенько так подбирают вагоны, чтобы картошку вывалить в угольной пыли, арбузы пропитать селедочным ароматом. А недавно начали перевозить зелень в вагонах-банях. Грузят в такой вагон свежую редиску, а прибывает нечто вроде пареной репы. Пальма первенства пока принадлежит тбилисским железнодорожникам, отправившим 18 мая партию свежих овощей для Москвы в вагоне-леднике. Подготовили они его честь по чести: вымыли, смазали. Вот только забыли лед положить. Когда вагон прибыл в столицу, температура в нем была плюс 18 градусов. Овощам от этого, понятно, не поздоровилось.

— Теперь, надеюсь, вам ситуация ясна? — вкрадчиво заключил синьор Помидор.— Собрать бы всех этих злодеев, что губят нас, да задать им жеру...

— Ладно, поговорили, и хватит,— сказал я, обмакивая синьора в сметану. Сам же, однако, подумал: «Жаль, что мой вожж не попал на стол хотя бы к двум руководящим товарищам: начальнику управления Союзглавплодоовощ Центросоюза Михаилу Васильевичу Аганину и начальнику Главного грузового управления Министерства путей сообщения Алексею Васильевичу Басову. Полезно было бы им послушать этого мудрого краснощекого чревоущателя».

Г. КРЕСЛАВСКИЙ

Бракодельские частушки

Подарил жене трюмо я.
Та глядит в него,
А там
Искажение такое:
Не жена — гиппопотам!..

Заказала дочь сапожки
И попала в них
Под дождь —
Получились босоножки
Без союзок,
Без подошв.

Приобрел гамак я летом
И пошел на отдых в лес.
То, что я пишу об этом,
Это значит:
Я воскрес!..

Перевел с башкирского
Иван ЗАКОНОВ.

Покупаем... продаем

Некоторые наивные люди полагают, что торговать — дело нехитрое. Взял что-нибудь, денежки заплатил — вот тебе и покупка. Сдал что-либо, денежки получил — вот тебе и продажа. И не нужно институт кончать для этого.

Как бы не так!

* * *

СОБИРАЙТЕ ПУЗЫРЬКИ!

Вот ведь напрасно старая пословица утверждала: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Неправда это! Можно вполне укрепить свой бюджет не только честным трудом, но и некоторыми вполне разумными и даже похвальными коммерческими операциями. Об этом даже в воронежской газете написано.

Вот, пожалуйста, читайте:

«К СВЕДЕНИЮ ГРАЖДАН!

Аптеками области, на основании распоряжения Министерства здравоохранения, прекращен прием аптечной посуды, бывшей в употреблении.

Посуда принимается палатками базы Главтвортсырья по цене 1 копейка за 10 килограммов. Воронежское областное аптекоуправление».

Ясно? Можно бы, конечно, просто обратиться к гражданам с просьбой, чтобы сдавали они всякие склянки, пузырьки и флаконы из-под духов и одеколона бесплатно.

Но Министерство здравоохранения и начальство из Главтвортсырья не хотят этой жертвы, а вступают с населением в нормальные торговые связи на основе взаимной выгоды.

И теперь граждане, набив мешки, авоськи и чемоданы пузырьками, ринутся к палаткам с возгласом: «Кто последний, я за вами!» И будут производить торговые операции. И получать за 10 килограммов пузырьков свою законную копейку.

И нечего смеяться. Потому что за 100 килограммов будет уже 10 копеек. А если сдать тонну пузырьков, — это уже рубль. А если доставить к приемному пункту три пульмановских вагона этих пузырьков, можно свободно купить путевку в Сочи. И еще с проездом туда и обратно.

Главное, не лениться и проявлять сознательность.

ЧУРБАКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Знаете ли вы, что такое «торговое оборудование»? Думаете, весы с разновесами, банки для конфет и перловой крупы? Чепуха. Есть инвентарь посерьезней. Например, чурбаки. Да-да, чурбаки. Этакие солидные, толстенные кряжи. Для чего? Детский вопрос! Для мяса. Ведь мясо как отпускают покупателям? Кладет продавец на такой чурбак крупную деталь быка или барашка, взмахивает топором и с криком «хак!» отрубает вам совсем не то, что вы просили.

А без чурбаков пришлось бы всем стать вегетарианцами.

Вот почему не так давно в город Хабаровск в адрес базы Дорурса Д. В. Ж. Д. пришел вагон из Москвы от Трансторгснаба за № 1399239. А в вагоне был разный груз. В том числе двадцать здоровейших чурбаков. По сходной цене — 25 рублей за штуку. Чурбаки, они из чего делаются? Из стволов деревьев. А деревья растут в лесу. А откуда в Хабаровске лес? Уссурийская тайга — это же где-то в Крыму или Белоруссии, а на Дальнем Востоке, известно, — пустыня. Пески. Варханы. Откуда тут лесу быть? Вот и путешествовали эти пни из столицы в Хабаровск. А что всего обидней, — ткнули их легонько, а они рассыпались. Собрались эксперты по этому делу и определили: «Пни гнилые. Для разделки мяса не пригодны».

Вот так. Что теперь делать? Если их списать, как дрова, то по такой цене даже сандаловые дровишки списывать неудобно. Обратно в Москву посылать — совесть не позволяет. Вот они и лежат под навесом и помалкивают. А что они могут сказать? Пень — он пень и есть.

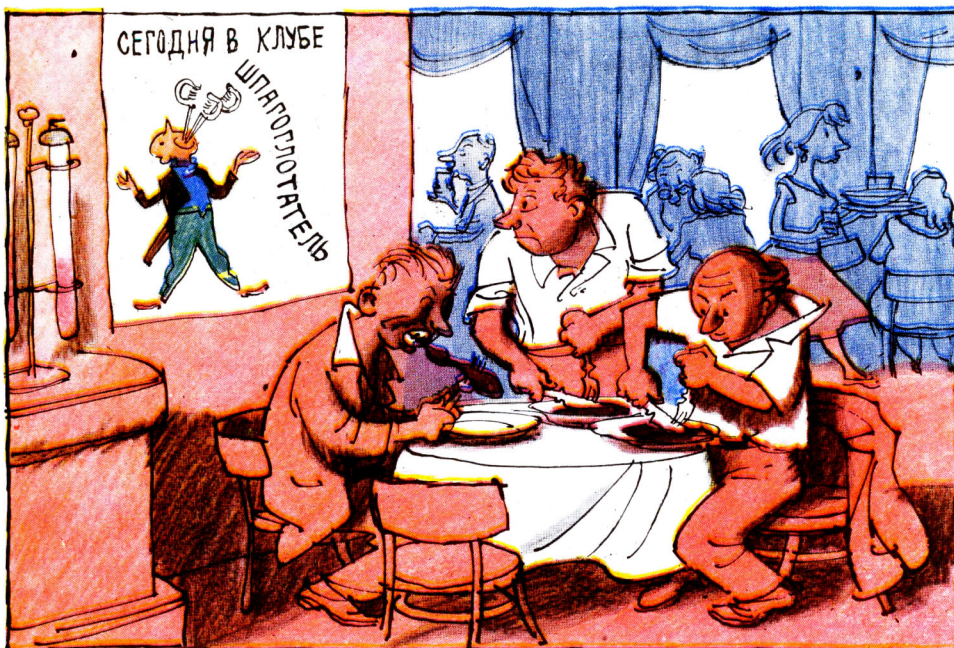
* * *

Вот думают наивные люди, что торговать — дело нехитрое. Как бы не так! Тут ведь тоже все с умом надо делать.

Надо бы.

Так разве его на всех напасешься?

Б. МИХАЙЛОВ

— Это что! Проглотил бы он вот такой шницель!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

МОЧАЛКА-НЕДОТРОГА

Сухумский горпромкомбинат изготовляет из люфы банную мочалку. Внешне как будто все в порядке. Сорт первый. Цена за штуку 1 рубль 20 копеек.

Может, вам покажется, что это дороговато. Но если учесть необычную особенность мочалки, можно не покуситься и заплатить.

Эта особенность обозначена на ярлыке, приложенном к мочалке: «Хранить в сухом и затемненном месте».

Баню затемненным местом называть никак нельзя. Сухим — тем более. Да и дома мыться сухую и в темноте вряд ли кто согласится. Выход один: мочалку спрятать в шифоньер, предварительно укутав в черную бумагу, а для мытья своего брэнного тела приобрести другую, обыкновенную, которая не боится ни воды, ни света.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

НА АМБУЛАТОРНОМ ЛЕЧЕНИИ

У супругов Лохматовых занемог петух. Не обыкновенный, что с курами ходит, а петух-индюк... Большой такой, знаете ли, с хоботом на носу...

Неделю не пьет, не ест, вот-вот сохнет. И не знают супруги, куда пойти, кому пожаловаться.

— Что же мне тово... с петухом делать? Не к доктору же с ним идти! — говорит Маркел Иванович.

— Зачем к доктору? — возражает жена. — Доктора не обучены птицам...

Решили они обратиться к аптекарю и попросить для петуха-индюка чего-нибудь укрепляющего. Но аптекарь не понял супругов Лохматовых и лекарства не дал.

Так и осталась неизвестной дальнейшая судьба индейского петуха, которую описал Антон Павлович Чехов в рассказе «Индийский петух».

Но зато нам доподлинно известна судьба не индейского, а простого петуха, того самого, который с курами ходил. Она подробно описана в справке, выданной доктором, специально обученным.

«Справка. Выдана гр. Пугач Ек. Марк. в том, что принадлежащий ей петух красной масти возр. 1 год находился на амбулаторном лечении 16/IV. Диагноз: побои (ушибы). 17/IV петух пал по причине: сильные ушибы — сепсис. Ветврач — Носачев».

Да и хозяйка петуха не в пример супругам Лохматовым знала, что ей делать, получив такую справку. Она затеяла тяжбу с соседом «об убийстве петуха красной масти».

И у местных судебных органов теперь работы заметно прибавилось...

А случилась вся эта история в Володарском районе, Донецкой области.

В. СИНЦОВА

Почем штука?

В отделении связи поселка Бестях (Якутская АССР) был вывешен уникальный документ. Приводим его текст полностью:

«Объявление. На почте п. Бестях имеются в продаже артисты, переводные картинки, открытки, детские книги и художественная литература. Почта».

Жаль, что не указана цена на артистов. Почем они нынче в Бестях? Чтобы в случае чего не переплатить. Уж очень необычный товар.

М. ЗИМИН

СИМ ИЗВЕЩАЕМ...

Рассказывают: в Кемеровской области один человек помер не сходя с места. Сограждане облекли его доверием, избрали народным заседателем Кемеровского областного суда. А вскоре случилась такая бумага:

«Судебная повестка по уголовному делу Постоянная сессия областного суда вызывает Вас к 10 часам в качестве народного заседателя по адресу нарсад города».

Секретарь суда: (подпись неразборчива)».

Вообще-то гражданин этот умер не совсем, он просто впал в шоковое состояние.

И согласитесь: это естественно. Допустим, вы выиграли в лотерею лобзик, и на ваше имя вдруг приходит пакет с черепом и костями:

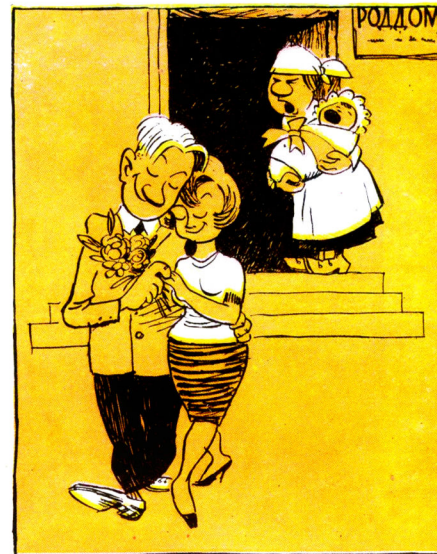
«Сим извещаем Вас, что к такому-то, такому-то, Вам надлежит явиться в сберкассау на предмет установления личности и получения лобзика».

Поневоле будет шок. Тем более, что эта зловещая мода укрепляется в Кемеровской области. С легкой руки старших коллег из облсуда городские вершители юстиции тоже вызывают заседателей уголовными повестками.

Хоть стой, хоть падай!

Вл. МИТИН

СЧАСТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ

— Эй! Вы забыли ребенка!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ПРИНОСИТЬ И РАСПИВАТЬ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

На маскараде.

Рисунок М. УШАЦА

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТНЫ И КОМЕДИИ, написанные М. Зощенко в последние 20 лет его жизни, составили новый однотомник. Его издатель — «Советский писатель».

«ПОРТРЕТ» — юмореску С. Михалкова с рисунками А. Баженова выпустил в свет «Художник РСФСР».

Библиотека Кронодила пополнилась сборником юмористических рассказов и фельетонов М. Семенова «ДАВАЙ, ДАВАЙ!»

Гинриры — три автора (М. Гиндин, Г. Рябин и И. Рыжов), которым исполнилось недавно — всем вместе — сто лет и которые сочинили — опять же вместе — несколько программ для Ленинградского театра миниатюр. Сборник их произведений «В ТО ВРЕМЯ, КАК...» выпущен издательством «Искусство».

«КОРОТКОЙ ОЧЕРЕДЬЮ» стихов и прозы выстрелили по халугам, тунейдам, лжеученым, браноделам 15 сатириков, работающих в Донецкой и Луганской областях. Одноименный сборник их произведений вышел в Донецке.

«ЛИЧНАЯ КАЛАНЧА ГАВРИЛЫ КВАЧА» — сатирическая поэма украинского писателя Н. Карпенко — вошла вместе с циклом его стихотворных юморесок в книгу, изданную «Молодь».

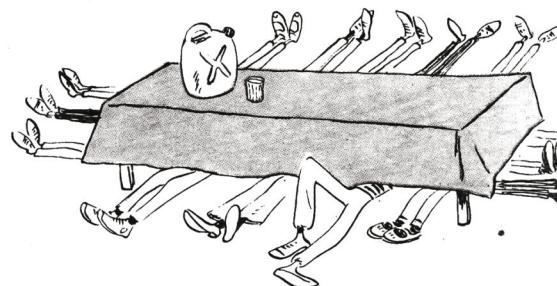
КОМЕДИИ Ц. Солодаря изданы «Советским писателем». ОДНОАКТНЫЕ КОМЕДИИ В. Щеголева — «Рядыским письменником» (Киев). Сатирическая комедия П. Дудо «ЧЕРТОВА ДЮЖИНА» — Госиздатом БССР.

«ПОРΟΣЕНОК С ЛУЧКОМ, БАБУШКИН КРАС ТАНЕЦ КРАСАВИЦ И ЕЩЕ 30 РАССКАЗОВ С ЛУЧКОМ И ПЕРЧКОМ» написаны воронежцем В. Евтушенко и предложены читателям областным книгоиздательством.

«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ПРАВЕДНЫМ», можно в основных чертах узнать, прочитав выпущенный Челябинским книгоиздательством первый сборник фельетонов местного журналиста Г. Дмитрина.

«БЕЗ НАМЕКОВ» написал свои стихотворные фельетоны, шутки и басни И. Леонидов. А выпустило их Архангельское книгоиздательство.

На латышском языке вышел в Риге сборник юмористических рассказов М. Бирзе «НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ». А в Вильнюсе изданы на литовском языке сборники фельетонов Л. Юозенаса «ПЕРВОЕ ПРЕГРЕШЕНИЕ» и Л. Кяулейниса «БЕЗ МАСКИ».

Собрание автолюбителей.

Рисунок К. НЕВЛЕРА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRHOV, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00109. Изд. № 1097.

Подписано к печати 19/VI 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз.

Заказ № 1527. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СТОЛПЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Рисунок Ю. ГАНФА